

«Имя славное Пруткова, имя громкое Козьмы!»

К 200-летию со дня рождения великого и незабвенного Козьмы Пруткова

Арлен Блюм

Козьма Прутков... Имя действительно славное и громкое. Имя нарицательное, а потому почти ушедшее в тлен. Почти несуществующее. Не то чтобы он совсем забыт, но он почти не существует как писатель. Как литературная фигура. Между тем, например, отчаянный путешественник в Петушки Венедикт Ерофеев на вопрос о своих корнях ответил, что хотел бы быть где-то между Вольтером и Прутковым. Ну а кто все-таки важнее, кто на первом месте, спросили его. Конечно, Козьма Прутков! Прутков – не коллективный псевдоним и даже не коллективное бессознательное. Козьма Прутков – миф и легенда. Основатель, вдохновитель и коллективный организатор культурного пространства. Из стихов Лебядкина выросли обэриуты, из стихов и прозы Козьмы Пруткова выросли они, и все остальные. И тонкий юмор, и тотальная ирония. И сарказм антиутопий, и пародия с большой буквы. Забавно, но пародия как вспомогательный, как паразитический жанр порой живет дольше пародируемой литературы. В случае с Прутковым такое происходит почти всегда. То, что он осмеивал и пародировал, либо погубил совсем и безвозвратно, либо живет лишь в примечаниях, а сами пародии – вот они, дышат и хохочут.

Директор Пробирной палатки.

Литография Л.М. Жемчужникова, А.Е. Бидеман и Л.Ф. Лагорио

И еще один повод вспомнить великого и могучего директора Пробирной палатки.

Графоман с претензией

11 апреля 1803 г. – одна из памятных дат в истории отечественной словесности: именно в этот день родился Козьма Прутков. Как известно, его воспринимали, или «опекунами», как они сами

свою литературную деятельность в 1850 г. с одноактной пьесы «Фантазия» – забавной пародии на заполнившие тогда сцену модные водевилы. Она даже однажды (8 января 1851 г.) была поставлена на сцене Александринского императорского театра. Испетительный цензор заметил в ней «грубые места», заменив слово «лотка» – «горлом», «гадости» переименовал на «глупости», «кобениться» – на «церемониться», а «девицу Непрочную» вообще вы-

Подари меня мыслью
Благослови предприятая,
Прими мой сердечный тебе
Прими первый труд мой,

Прости, Пробирная палатка,
Где я снискал высокий чин,
Среди мне вверенных
«Давным-давно не видел я

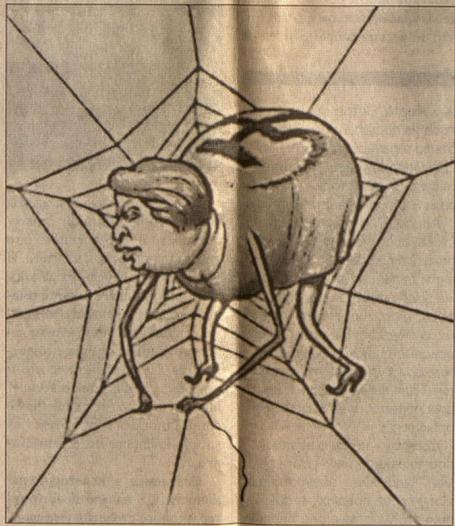
рируют в ней две некие девицы, которым не дано «выйти замуж никогда»:
Они с невинностью своей
Найдут во гробе лишь червей.
Для трупа истинных друзей!
Но главная мишень его сатиры – некий местный «миллионер», «мужчина самых средних лет» (!), который
Бывает часто злобно рад,
И тут-то настоящий ад
В душе преподой
встрепенется
И чувства поползут как гад!
Давным-давно не видел я
Таких ужаснейших людей;
Душа пугается моя
Людей сих, точно как зверей...

Вот час последних сил упадка
От органических причин...
Прости, Пробирная палатка,
Где я снискал высокий чин,
Но музы не отверг объятий
Среди мне вверенных

занятий

Тебе – я труды и думы
Не отринь же меня от
О!.. если вниманье твое
Среди многотрудных
Минуты покоя – тебе
После трудов –
Они отрадой будут мне –
Внемли же, Муза,

таких ужаснейших людей...»
Мой учитель, профессор Борис Яковлевич Бухштаб (1904–1985), которому я показал эту книжку, сослался на это совпадение во вступительной статье к подготовленному им «Полному собранию сочинений» Козьмы Пруткова (Большая серия «Библиотеки поэта». – М.-Л., 1965). Поблагодарив меня, он заметил там же: «В конце 1850-х – начале 1860-х гг. калужским губернатором был зять и близкий друг Жемчуж-

О введении единомыслия в России... И таким видели порой славного Козьму.

Моем в полночной тишине!
Мне показалось тогда, что
тезка Пруткова и есть сам
Прутков: он смело и с чистой
совестью мог бы под ним под-
писать. Особенно поразил

никовых В.А. Арцимович. В эти
годы и Алексей Жемчужников
жил в Калуге. Невероятно, что-
бы мимо семьи Жемчужниковых
прошла курьезная книга
калужского чиновника, столь

Калужская книжка 1848 года стала одним из импульсов и источников, вдохновивших на создание бессмертного образа Козьмы Пруткова, директора Пробирной палатки и кавалера...

тельны чувств ли не текстуаль-
ные совпадения выделенной
строфы с последними двумя
строками стихотворения Козь-
мы Пруткова «Предсмертное»,
которое, как писали «публика-
торы», «найденно недавно, при
ревизии Пробирной палатки, в
делах сей последней»:
Вот час последних сил
От органических
причин...

близкого по духу своему недав-
но прославившемуся тезке. Не
обязано ли Козьме Тимошури-
ну и переименование Козьмы
Пруткова в Козьму?
И другие стихи, включенные
в сборник Тимошурина, очень
напоминают Пруткова, но осо-
бенно «прутковщина» заметна
в поэме «Самоубийца». Напи-
сана она с претензией на сати-
рическое высмеивание и обли-
чение местных нравов. Фигу-

Ведите скромно жизнь свою!
НЕ раздражайте, умолю,
Небес благого Судии!
Скорейшим ставлю вам
уроком
Жизнь Милонера моего –
Он слезы исторгал потоком,
И – Рок за всех казнил его!
Страшиться жизни
Милонера,
На свете счастье – обман,
А удовольствия –
химера...

«Уж не пародия ли он?»
Легко убедиться, что все это
«прутковщина» чистой воды.
Очевидно, чтение этой калуж-
ской книжки доставило немало
веселых минут создателям
Козьмы Пруткова...

Но существовал ли в дей-
ствительности калужский поэт
Козьма Тимошурина? «Уж не па-
родия ли он?» Я просмотрел
«Памятные книжки Калужской
губернии», выходящие еже-
годно с 1852 г., в которых печата-
лись сведения обо всех губ-
ернских и уездных чиновни-
ках вплоть до самых мелких,
однако сведения о Козьме Ти-
мошурине не обнаружили.
Зато в разделе «Жиздринский
уезд» встретилось упоминание
о штаб-ротмистре, мировом
посреднике Николае Лукиче
Жемчужникове.

Не будучи все-таки полно-
стью уверенным в том, что сти-
хи Козьмы Тимошурина сочи-
нены реально существовав-
шим лицом (уж очень они на-
поминали мистификацию а la
Прутков), я попросил позднее
Калужский областной архив
выяснить, жил ли в Калуге в се-
редине XIX в. чиновник с таким
именем и такой фамилией. От-
вет пришел спустя несколько
лет, в 1989 г. Архивисты любезно
сообщили мне, что «...сведе-
ния о Тимошурине встретились
случайно при наведении
другой справки». Среди бумаг
губернской канцелярии они
нашли «Отношение от калуж-
ского губернатора через Жизд-
ринское полицейское управле-
ние жидринскому мешанину
Казьме Нифедову Тимашурину
(так!) от 14 июля 1875 г.». В нем
говорилось, в частности: «По-
данное им заявление, при сем

возвращаемое за неясным из-
ложением в нем обстоятельств
и как содержащее в себе неуме-
стные выражения, оставлено
без последствий». Архивисты
скопировали два отрывка из
совершенно бессмысленных
стихотворных посланий Тима-
шурина губернатору, в которых
он обличал какого-то «карла-
ла», спрашивая его: «Ты шмель
или ужасный кошмар?» И в
1848 г., судя по стихам, воше-
вшим в первую и единственную
книжку Козьма Тимошурина не
отличался особым... как бы это
сказать... здравомыслием, но к
старости (прошло 27 лет), ви-
димо, поэта покинули даже его
остатки. Но для нас интересно
другое: оказывается, он жил в
той же Жиздре, причем в одно
и то же время, что и упоминав-
шийся выше Н.Л. Жемчужни-
ков. Фамилия редкая: не исклю-
чено, что он находился в как-
ом-то родстве с братьями
А.М. и В.М. Жемчужниковыми.
Он, как и калужский губерна-
тор В.А. Арцимович, мог по-
знакомиться с книжкой мест-
ного чудача-графомана.

Итак: схожесть имен и сти-
листике, а также ряд биогра-
фических обстоятельств и сов-
падения позволяют сейчас сде-
лать осторожный и предвари-
тельный вывод, что калужская
книжка 1848 г. стала одним из
импульсов и источников, вло-
новивших на создание бессмер-
тного образа Козьмы
Пруткова, директора Пробирной
палатки и кавалера...

Арлен Викторович Блюм – док-
тор филологических наук, про-
фессор Санкт-Петербургского
государственного университета
культуры и искусства.

Я памятник себе...
Козьма Прутков в Брянском парке-музее им. А.К. Толстого

Но существовал ли в действительности калужский поэт Козьма Тимошурина? «Уж не пародия ли он?»

Другое дело, что нарица-
тельность, цитатность, разо-
дранность на эпиграфы, ко-
нечно, губительна. Прут-
ков слишком глубоко ушел
в народ. Его цитируют как
свое. Цитируют, не зная,
что цитируют цвет русской
литературы позапрошлого
века. Вообще мы слишком тороп-
ливы. Невнимательны и за-
бычивы. Так, остановимся
на секунду: ах, Прутков...
Действительно, ведь был
когда-то Прутков. А теперь
ему 200 лет. На 100 лет все-
го моложе города Питера.
Прутков чем-то похож на
этот самый город – ведь он
тоже культурная столица.
Вторая столица. Незаконная
столица. Незаконная кома-
та. Младший и, разумеется,
незаконнорожденный сын.
Хорошо, если мы не пропу-
стим славный юбилей Козь-
мы. Если остановимся, пере-
дохнем и перечитаем. 200
лет! Как будто другая пла-
нета тогда была. И жили на
ней другие люди. Богатыри,
не мы. И Козьма Прутков –
первый среди них богатырь.
Защитник угнетенной рус-
ской литературы, заступник
за сырых и обездоленных,
надежда и опора тех, кто не
в мейнстриме. Мы предлагаем вашему
вниманию статью питерско-
го исследователя. Статью
даже не о Козьме Пруткове,
а о возможном его прототи-
пе. Еще один взгляд, еще
одна версия.

себя называли, были граф Алек-
сей Константинович Толстой и
два его кузена – Алексей и Вла-
димир Михайлович Жемчуж-
никовы. К ним изредка примы-
кал еще один брат – Александр,
который, служа в Тобольске,
привлек к участию в создании
очень смешной оперетты «Че-
репослов, сиречь Френолог» ав-
тора «Конька-Горбунка» П.П.
Ершова. Козьма Прутков, под
именем которого печатался раз-
нообразный репертуар текстов:
песни, афоризмы, пародии, раз-
личные «исторические матери-
алы» и т.п., – не совсем и не про-
сто обычный «коллективный
псевдоним». Здесь случай по-
ложнее: он – цельная и закон-
ченная «литературная маска»
самовлюбленного поэта и домо-
рошенного философа, «графо-
мана с претензией», автора лек-
сикона прописных истин, кото-
рые пережили свое время и по-
стоянно цитируются вот уже
полтора века.

«Горло» вместо
«глотки»

Излюбленной мишенью ост-
рот, эпиграма и пародий была
для создателя образа Козь-
мы Пруткова выспренняя, все-
гда стоявшая на романтичес-
ких котурнах поэзия Владими-
ра Бенедиктова, имевшая в
30–40-е годы XIX в. необычай-
ный успех у публики. Компа-
ния веселых молодых людей
придумала и биографию «ди-
ректора Пробирной палатки»,
скончавшегося в 1863 г. на сво-
ем посту от «внезапного нерв-
ного удара». «Начал» же он

черкнул из списка действую-
щих лиц.
Разбросанные по различ-
ным журналам произведения,
объединенные именем персо-
нажа, собраны были «после
кончины Пруткова» Влади-
миром Жемчужниковым, выпу-
стившим в 1884 г. «Собрание со-
чинений» Козьмы Пруткова,
украшенное знаменитым его
«портретом».

«Разные стихотворения
Козьмы Тимошурина»

Эти сведения, в общем-то,
хорошо известны, хотя в
«пруткововедении», если мож-
но так сказать, есть еще немало
белых пятен. Так, в частности,
историки литературы не при-
шли пока к единому мнению
по поводу непосредственного
происхождения имени Козьма
Прутков. На этот счет выска-
зывалось немало версий... В
свое время, а было это ровно
сорок лет назад, автору этих
строк (еще в аспирантские го-
ды) удалось более или менее
случайно натолкнуться на
чрезвычайно редкую неболь-
шую книжку под названием
«Разные стихотворения Козь-
мы Тимошурина», изданную в
Калуге в 1848 г. Открывался
сборничек стихотворением «К
Музе». Вот оно (сохраняю осо-
бенности авторского стиля и
орфографии):

Возри на меня с Трона,
о Муза небесная,
Приласкай благосклонным
приветом!
Пред тобой я открыл мою
душу, чудесная: